

Е.Л. Омельченко
Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»

СУБКУЛЬТУРЫ, ПОКОЛЕНИЯ, СОЛИДАРНОСТИ? К ВОПРОСУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ¹

Молодежь, как объект анализа, воспитания и контроля волнует всех взрослых агентов общества. Обычно она попадает в центр внимания политиков, журналистов и исследователей, когда речь заходит о серьезных социальных катаклизмах, переменах, спонтанных молодежных волнениях². Интенсивность интереса к молодежной теме зависит от событий, которые вызывают панику, ставят под сомнение возможность прогноза будущего и сохранения достигнутого статус кво политическими группами, находящимися у власти. Подобные события поднимают вопрос возможной мобилизации молодежи в целях контроля над ситуацией и предотвращения массовых протестов и революционных инноваций.

Зачем социологам «поколение»?

Понятие «поколения» занимает несколько маргинальное положение в западных академических исследованиях, посвященных социальным и культурным переменам [Edmunds, Turner, 2002]. Это выглядит довольно парадоксально на

¹ В основе статьи – размышления над результатами проектов «Поколение R? – молодежь и финансово-экономический кризис в сравнительной европейской перспективе» (ЦФИ НИУ ВШЭ, 2009); «Новые молодежные движения» (ЦФИ НИУ ВШЭ, 2010).

² Завершение работы над текстом совпало с массовыми молодежными волнениями в Великобритании. Реакции на них английских политиков, журналистов и общественности в очередной раз продемонстрировали механизм формирования внимания к молодежному вопросу и кризисное состояние политики в отношении молодежи в целом, причем не только в Великобритании.

фоне производства все новых и новых поколенческих имен – соперничающих и часто повторяющих друг друга. Такие имена, как поколение «X», «Y», «NET», «ТЕХТ» и другие циркулируют в СМИ и повседневном дискурсе для описания разных аспектов опыта молодежи [Омельченко, 2008]. Эдмундс и Тернер пишут о том, что террористические атаки 11 сентября на Нью-Йорк и Вашингтон должны привести к формированию нового, «сентябрьского поколения», которое бросит вызов культурной гегемонии поколения шестидесятников. Ученые стремятся реабилитировать термин «поколение», считая его крайне актуальным для понимания происходящих в современных обществах перемен. После 9/11 мир стал другим, и что «не классы, а поколения сформировали современное культурное, интеллектуальное и политическое мышление» [Edmunds, Turner, 2002, p. 118]. Их понимание «поколения» опирается на идеи Карла Манхейма о формировании поколенческого сознания благодаря переживанию общего опыта исторической травмы³. Используются идеи о формировании коллективной памяти и ритуалов в поддержке подобного сознания, а также мысль Пьера Бурдьё о социальных и культурных сдвигах как результатах межпоколенческой борьбы за скудные ресурсы [Bourdieu, 1991]. Концепция поколения чаще всего используется в социологии молодежи, именно к молодым, проживающим в молодости события *особой значимости*, чаще всего применяются образные поколенческие конструкты-ярлыки, схватывающие общую, знаменательную черту изменений. Этот термин часто используется и в популистских целях неакадемической публикой, что размывает его смысл, приводит к формированию стереотипов в общественном сознании об эссенциалистском значении опыта, приобретенном в определенном возрасте и в определенный исторический момент. Стремление к обнаружению общих черт у людей, растущих и взрослеющих в один промежуток времени, в схожих обстоятельствах жизни, включенных в формально схожие социальные институты, получающих информацию через разделяемые большинством каналы, было характерно для большинства поколенческих конструктов XX и начала XXI вв. Как группа становится поколением, что превращает «поколение» в категорию и знак времени – тема отдельного исследования. Может ли общее, пусть и катастрофическое событие, сформировать общую идентичность, которая будет значимее происхождения, гендера, этнических, географических

³ При метафоричности понятия «поколение» и возникающих дискуссий его использование в выбранном контексте представляется полезным. Теоретическое обоснование проблемы *поколения* впервые появляется в работах Карла Манхейма [Mannheim, 1952]. Ему принадлежат основные ключевые понятия и описания социального феномена «коллективного проживания» судьбоносных исторических событий. Объединяет различные употребления понятия «поколения» компонент «времени», что в отношении социологии ученый называл «исторической локализацией» [Манхейм, 2000].

(локационных) различий внутри когорты, растущей вместе? Можно ли признать финансовый кризис некоей травмой, которая определяет поколение R (*recession*), или определяющим стал политический ответ российской власти, объявившей «успешное преодоление кризиса»? Очевидно, что кроме общего возраста молодежь отличают этнические, религиозные, классовые и гендерные аспекты. Не менее значимы статусные и материальные различия для понимания ресурсов и компетенций, которыми обладают разные генерационные единицы. Так, например, базовой идеей, определившей целое направление субкультурных исследований молодежи, был акцент не на собственный поколенческий опыт, а на практики культурного потребления молодежи как поколенческие реакции на конкретные проблемы, связанные с классовым/родительским происхождением [Cohen, 1997]⁴. При использовании поколенческого подхода может игнорироваться особая роль глобальных коммуникаций современности, которые способствуют возникновению поколенческого сознания благодаря глобальной общности опыта, а также ведущая роль СМИ в конструировании сознания молодежи через порождение, циркуляцию и отбрасывание поколенческих ярлыков. Так, например, медийное сопровождение кризиса отличалось различными интерпретациями, версиями портрета «нового поколения R». Любое понятие «поколения» должно учитывать дискурсивное продуцирование «поколенческого опыта» и строиться на осознании того, что молодые люди как субъекты понимают и артикулируют свой опыт не вне дискурсивной сферы, но критически работая с ней, используя или отвергая ее аргументацию. Таким образом, «поколенческий субъект как некое коллективное тело, обладающее коллективным сознанием, должен пониматься шире, чем страта богемы или интеллектуалов. И очень важно проводить различие между собственно поколенческим опытом самой молодежи и ее политическими портретами, построенными в соответствии с нуждами правящей власти.

С начала 2000-х до переломных 2006–2007 гг. молодежь исследовалась в разных направлениях. Так, например, изучалась структура ценностных предпочтений, говорили о росте прагматических и индивидуалистских настроений, возрастании значимости материальных ценностей, расширении зон потребительской активности, завышенных образовательных притязаний и карьерных амбиций [Магун, Энговатов, 2005], о расширении пространства попсы и гламура, противостоянии гопников и неформалов на культурных молодежных

⁴ Здесь я вынуждена отвлечься от критики классового редукционизма и гендерной слепоты, лежащих в основе идеи «молодежной субкультуры», которые вполне оправданны [Bennet, 1999; Muggleton, 2000]. Однако теоретики поколения чаще всего игнорируют проблемы власти, сегментации и неравенства, которые возникают в связи с этим представлением [Pilkington, Johnson, 2003].

сценах; о политическом нигилизме и пофигизме, потере молодежью моральных обязательств перед обществом [Чупров, Зубок, 2001], массовом отказе от участия в публичной политике, падении электоральной активности. Тезис об аполитичности российской молодежи соседствовал с данными опросов, свидетельствующих о неуклонном росте лояльности различных молодежных групп к первому лицу государства (президенту В.В. Путину). Уже в конце 1990-х было понятно, что, заручаясь поддержкой молодежного большинства, лидер обрекает себя на победу. Интерес к молодежи как электоральному ресурсу и потенциально опасной массе проявлялся через широкомасштабные проекты молодежной мобилизации. В экономической сфере молодежь присутствовала как постепенно формирующийся потребительский сегмент с чертами глобального, что демонстрировали слегка адаптированные западные рекламы массовых молодежных товаров.

Молодежь докризисной России не была однородной, со все более расширяющейся зоной бедности и уверенно растущей долей среднего класса, с новыми формами неравенства, связанного с доступностью высшего (качественного, бесплатного) образования на фоне расширения рынка платных образовательных услуг. Молодежь вызывала опасения и провоцировала моральные паники. Причины были разные. Особую тревогу вызывало массовое вовлечение молодежи в наркотические практики, как в столичных, так и периферийных городах России⁵.

Рубежом первого десятилетия, изменившим общий тон разговора о российской молодежи, стали события в июне 2002 г., когда футбольные фанаты и гопники устроили погром на Манежной площади после поражения нашей сборной в матче Россия – Япония. СМИ писали о неуправляемой агрессивной массе, отсутствии моральных ограничений, угрозе немотивированных и бессмысленных молодежных бунтов. О росте ксенофобных и экстремистских настроений открыто заговорили после событий в Кондопоге в 2006 г. Особое внимание было обращено к росту активности скинхедов на всем пространстве постсоветской России. К концу десятилетия скинхед-сцена пережила глубокий кризис, и в настоящее время уже не представляет собой какого-то однородного движения. На это повлияли серьезные изменения в российском законодательстве и противоречия внутри скинхед-сцены, в частности вслед росту движения антифа [Омельченко, 2010]. Особые страхи российской власти были связаны

⁵ Волна «передозов» прокатилась по всем российским городам в начале десятилетия. НИЦ «Регион» провел серию проектов, посвященных исследованию путей и каналов «нормализации» наркотических практик в молодежной среде [Омельченко, 2005; <http://regioncentre.ru/resources/books/>].

с чередой цветных революций на всем постсоветском пространстве, активным участником которых была молодежь. Параллельно этим событиям разрабатываются новые программы патриотического воспитания российской молодежи, публикуются новые учебники истории России, легитимируются имперские амбиции, начинается активное молодежное партстроительство, усиленное мощным административным и бизнес-ресурсами⁶.

Имена молодых поколений конца XX в. шли под знаком неизвестности: X, Y, Z. Затем, вслед бурному развитию и совершенствованию информационных каналов, молодым поколениям начали присваивать имена знаковых вех массовой коммуникации – Text, MTV, Screen, IT, iPod. Одним из последних, докризисных имен чисто российского происхождения было имя первого десятилетия XXI в. «поколение Пу»⁷...

Реакция политиков и журналистов на события на Манежке (11 декабря 2010 г.) была неоднозначной. Политические оценки происшедшего крайне противоречивы. Вслед этим событиям последовали новые политические шаги. Начинают разрабатываться программы работы с экстремистски ориентированной молодежью, цель проектов – массовая молодежная мобилизация «по-советски». События на Манежке поставили в политическую повестку дня вопрос о возможности и последствиях неконтролируемых, агрессивных и неясных (по мотивам) выступлений. В конце 90-х годов прошлого века я принимала участие в проекте, посвященном образам Запада в восприятии российской молодежи [Pilkington, Omelchenko et al., 2002; Омельченко, Лукьянова, 2009]. Вместо образа исключительно привлекательного и манящего *Запада* мы обнаружили рост *стихийного патриотизма*, своего рода любви или тоски по России, основанной на детской обиде, что молодость и юность приходится жить в стране, «где все не так». В качестве защитной системы, помогающей построить непротиворечивую картину правильного мира, формировался позитивный и по-своему привлекательный *образ России* как зеркальное отражение того, что признавалось негативным на Западе. Образ жизни, образование, культурный уровень, личные коммуникации – все это представлялось на Западе лишенными самых важных для *российского человека* качеств душевности, искренности, теплоты, открытости. Мы назвали это *стихийным патриотизмом*. Если в начале XXI в. мы зарегистрировали «любовь к России», то в конце первого десятилетия, в новом про-

⁶ Молодежное движение «НАШИ» – самый удачный и провокационный, открыто прокремлевский проект. Сейчас движение переживает кризис, вызванный недовольством президентской команды отдельными, наиболее агрессивными демаршами «НАШИХ».

⁷ Поколение Путина – сверхлояльное, с выраженными имперскими амбициями, высоким уровнем ксенофобии, с высокими карьерными и образовательными притязаниями.

екте, мы зафиксировали рост «гордости» за Россию, что связано со специфическим набором определенных имперских амбиций и достаточно высоким уровнем бытовой ксенофобии⁸.

При всей сложности вопроса патриотизма – это национальный вопрос, который после декабря 2010 г. звучит в России иначе. В нем отражается отсутствие разделяемого обществом понятия справедливости, фундаментальный кризис доверия, массовый отказ молодежи от веры в публичную риторику политиков. Национально-патриотическая карта, в ее новом варианте, будет разыгрываться всеми игроками на предстоящих выборах президента весной 2012 г. В эти политические игры обязательно будет вовлекаться молодежь. Но молодежь, прошедшая через кризис и потерю доверия к власти, сегодня совсем другая.

Солидарности

Понятие «солидарность», в отличие, например, от субкультуры, обращено к особому типу коммуникации, осуществляемой посредством разделяемых идей, а также интуитивным доверием индивидов к группе, с которой их связывает нечто большее, чем возраст, стиль или общие практики досуга. Особое внимание при исследовании солидарностей обращается не столько на внутригрупповые коммуникации субкультурных и стилевых молодежных групп: потребительские и культурные предпочтения, телесный перформанс, политические ориентации, сколько на межгрупповое взаимодействие в контексте городской жизни. Солидарный подход помогает найти основы молодежных формирований, объединенных ценностями и идеями, разделяемыми *своим* кругом (реальным, виртуальным/воображаемым), а также общим представлением об альтернативных, оппозиционных группах, которые считаются *чужими* и *врагами*. Поворот от изучения субкультурных и стилевых групп к солидарностям отвечает изменениям, происшедшим за десять лет. Основные их них – прозрачность субкультурных границ, миксовые практики, субкультурные карьеры, для которых характерны смены идентичностей. Новые типы молодежных формирований отражают подвижные коммуникации между культурным меньшинством и большинством (продвинутой и нормальной молодежью), различия в отношении молодежного

⁸ Проект «Национальные идентичности в России с 1961 г.: традиции и детерриторизация» (Arts and Humanities research Council, 2007–2010 гг.) руководитель – профессор К. Келли. Исследование проходило в двух городах России (Воркуте и Санкт-Петербурге) и было посвящено анализу групповых и индивидуальных смыслов, которые молодежь вкладывает в понятие патриотизма. В настоящий момент завершается работа над книгой «Молодежь и *новый русский/российский* патриотизм», в которой будут представлены основные результаты проекта.

мейнстрима к отдельным группам, «культурный разговор» различных молодежных групп друг с другом, симпатию и вражду внутри молодежного пространства. Интенсивность притяжений и отталкиваний (напряжений внутри межгрупповых коммуникаций) позволяет судить о ключевых ценностях и идеях, вокруг которых разворачивается символическая борьба. В этой борьбе отражаются поиски групповой и индивидуальной аутентичности и мера влияния дискурсивных практик (государственных, политических, медиа) на отдельных индивидов и группы в целом. В середине первого десятилетия XXI в. важным было отстаивание субкультурной принадлежности и символическая борьба за «правильных/настоящих» и «неправильных/ненастоящих» приверженцев стиля внутри различных культурных молодежных сцен, борьба за ресурсы субкультурного капитала. Сегодня более значима борьба за аутентичность и адекватность проигрывания тех или иных культурных ролей во взаимодействии с другими, альтернативными группами.

Рассмотрим тренды, характерные для городских практик российской молодежи конца первого десятилетия XXI в.:

Экстремальность – стремление к рисковым практикам вплоть до нарушений границ социальных норм и предписаний: от ориентации на здоровый образ жизни – до эпатажных публичных перформансов, нарушений закона и порядка, вызова общественному мнению. Способы проявления могут быть различны – целенаправленный поиск рискованных ситуаций, например, распространение бойцовских клубов (не институционализированных, самодельных и аутентичных встреч для драк), популярность «ночных и дневных Дозоров», стритрейсеров.

Борьба за аутентичность как поиск новых форм доверия. Стремление быть адекватным, соответствовать внутренним, контекстуальным смыслам «настоящего», разделяемого группой «своих», быть в теме, в разделяемом знании, разоблачать и преодолевать подделки и имитации.

Создание *перформативной идентичности* (воображаемой, фантазийной, реальной). Отказ от стилевых обязательств, предписанных статусу, игровые практики, популярность групповых околоинтеллектуальных игр, разыгрываемых публично (например, мафия). Вместе с массовым включением в социальные сети и значимостью правил, особенностей и смыслов формирования сетевой идентичности формируется пространство *новой искренности*, где системами доказательства открытости и «настоящего» становятся различные версии самопрезентаций через демонстрации круга друзей, культурных симпатий, ссылок, визуальной хронобиографии повседневной жизни.

Стремление практически всех молодежных групп к *эстетизации и театриализации* повседневности через использование творческих техник и профессиональных навыков. Происходит активная профессионализация хобби, развитие эстетических ниш внутри субкультурных сегментов. Все эти тренды характерны для самых разных форм групповых коммуникаций, различия кроются в способах. Так, например, эти черты могут присутствовать и в компаниях новых молодых интеллектуалов, и в праздновании победы своей команды футбольных фанатов.

Интересен феномен формирования «современной» патриархальности, идеи которой могут объединять молодежь различных культурных групп. Это может продвигаться как часть новой «протестной», реформаторской, индивидуально-приватной религиозности, как рост популярности идей социального и потребительского аскетизма, как обязательства помощи депривированным и отверженным группам, или как составляющая нового русского/российского патриотизма. Отдельный интерес представляют новые религиозные сообщества молодежи, которые могут развиваться в направлении приверженности новым формам фундаментализма и агрессивно – националистическим ответвлениям неоязычества.

Использование солидарного подхода помогает увидеть новый тип взаимоотношений между мозаичным, но при этом вполне однородным большинством (мейнстримом) и независимым (либеральным) меньшинством. Эти коммуникации отличаются стилистическими заимствованиями друг у друга, большей, чем прежде, подвижностью границ между разными типами групповых идентичностей (например, субкультуризация гопничества и гламуризация панков). Возрастающую роль в характере коммуникации (солидарности или противостоянии) различных групп играют сегодня гендерные режимы молодежных сцен, практики презентации гендерной идентичности и сексуальности. Здесь также происходит активное экспериментирование и игра с полом (*аниме*), продвижение новых сценариев сексуальной свободы (хипстеры) или пропаганда аскезы (*стрейтэйджеры*), борьба за отстаивание «правильной/нормативной» маскулинности и фемининности (*готы, эмо, скинхеды, панки*).

Субкультурные рынки

Молодежная *спортизация* городов, массовое развитие спортивных культур как таковых, соединение рискованных практик и городского пространства влечет более активное противостояние внутри традиционных спортивных культур между коммерческим, профессионализирующимся и альтернативным направлениями (натуральными, природными, аутентичными крыльями). Понятие пост-

спорта как раз и фиксирует важные изменения внутри этих субкультурных сцен, спровоцированные широким использованием особой рискованной экзотики этой молодежи для практик *культурного корпоратива (паркур)*.

Активно формируется новый тип идентичности – «горожанство», когда городской функционал переартикулируется, переформатируется в сторону «новой» власти – самих жителей, в нашем случае – молодежи. Город осваивается и присваивается разными способами – через открытые перформансы, флешмобы, новые гражданские проекты. Отдельной и часто агрессивной формой завоевания города становятся протестные выступления. Эта публичная коммуникация происходит вокруг проблемы, кому принадлежит город. Более популярными становятся «взрослые» городские игры – стритрейсеры, присваивающие себе ночные трассы городов, бойцовские клубы, встраивающие свои практики в контексты городских парков и зон отдыха, дневные и ночные дозоры, устраивающие поиски «кладов» по городским картам, переартикулируя назначения городских строений и площадок, городские путешественники, устраивающие соревнования по типу пионерских зарниц, превращая улицы в пересеченные местности.

Динамика субкультурных рынков сказалась и на изменении потребительских предложений. Все более обособляются в качестве потребителей эксклюзивных, не массовых товаров современные готы, утонченно замысловатыми становятся потребительские пристрастия поклонников аниме (специфическая одежда, куклы, фильмы, практики кросспола). Хипстеры, пожалуй, одна из первых постгламурных субкультур, формируют спрос на эксклюзивные и при этом как бы вторичные товары (секонд хенд, богемный винтаж, стейб-гламур), становятся одними из самых активных пользователей фото- и видеотехники.

В результате проведенных в рамках цитируемых проектов исследований мы сконструировали портрет поколения рубежа первого и второго десятилетия 2000-х.

Мы назвали поколение «R» поколением «адекватных» (Я+). В нем соединяются: самоуверенность и эгоизм, нежелание ничего не делать – и конкретные прагматичные цели. Этот портрет фиксирует размывание монополии на символы и одежды (субкультурный беспредел, расширение буферных зон между андеграундом и попсой), эксплуатацию родительской вины и участия (две отдельные кассы семейной бухгалтерии), стремление к творчеству (эстетизация, театрализация повседневности), *размытый* патриотизм (от стихийного, обиженного – через прагматический, выгодный – до гордо пафосного, а также лояльность к власти, граничащая со стебом) и гражданскую апатию. Адекватные могут быть гражданскими активистами и геймерами, сетевиками и «диванными» фанатами, продвинутыми ботаниками и стритейджерами. Ключевой стер-

жень поколения рубежа десятилетий: адекватность/настоящность/ быть в теме/ разделять значимые смыслы со своими (своим кругом). Это могут быть как адекватные пацаны, так и адекватные интеллектуалы. Молодежь поколения «адекватных Я+» явочным порядком отстаивает свое право на *настоящее* (правду, искренность, доверие) и *удовольствия* (своего и понимаемого в контексте *своих*). Российская молодежь рубежа десятилетий отказывается учиться двоемыслию, она хочет перемен и правды.

Литература

Ариф Э.М. «Хватит покупать! Всего и так навалом!»: пространства свободные от коммерциализации в среде российской молодежи // Бюллетень «ЭСФорум». 2011. № 1.

Дубин Б.Н. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 61–79.

Магун В., Энгватов В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 261–327.

Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / пер. с англ. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 16–47.

Омельченко Е. АНТИФА против ФА. Молодежь по разные стороны баррикад, или размышления о «новых» версиях патриотизма. (<http://www.polit.ru/analytics/2010/05/24/antifa.html>) .

Омельченко Е. (ред.) Нормальная молодежь, пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2005.

Омельченко Е. Поколение ТЕХТ: новые имена молодежной культуры // Рекламные идеи. 2008. 2. С. 106–111.

Омельченко Е., Лукьянова Е. (ред.) Неокончателный анализ... ксенофобные настроения в молодежной среде. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2009.

Семенова С. Социальная динамика поколений: проблемы и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

Beck U., Beck-Gernsheim E. Global Generations and the Trap of Methodological Nationalism For a Cosmopolitan Turn in the Sociology of Youth and Generation // European Sociological Review. 2009. Vol. 25. № 1. P. 25–36.

Bennett A. Subcultures or Neo-tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste // Sociology. 1999. 33 (3). P. 599–617.

Bennett A. In Defence of Neo-tribes: A Response to Blackman and Hesmondhalgh // Journal of Youth Studies. 2005. Vol. 8. № 2. P. 255–259.

Blackman Sh. Youth Subcultural Theory: A Critical Engagement with the Concept, its Origins and Politics, from the Chicago School to Postmodernism // Journal of Youth Studies. 2005. Vol. 8. № 1. P. 1–20

Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

Cohen Ph. Rethinking the Youth Question Education, Labor and Cultural Studies. L.: Macmillan, 1997.

Edmunds J., Turner B.S. Generations, Culture and Society. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 2002.

Edmunds J., Turner B.S. Global Generations: Social Change in the Twentieth Century // *The British Journal of Sociology*. 2005. 56. 4. P. 559–577.

Kohli M. Aging and Justice. Research Group on Aging and Life Course. Research Report 74. Berlin: Freie Universität Berlin, 2005.

Mannheim K. The Problem of Generations // *Essays on the Sociology of Knowledge*. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

Muggleton. *Inside Subculture: the Postmodern Meaning of Style*. Berg Pub Ltd., 2000.

Pilkington H., Omelchenko E. et al. Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. The Pennsylvania State University Press, 2002.

Pilkington H., Jonson R. Periphery Youth Relations of Identity and Power in Global/Local Context // *European Journal of Cultural Studies*. 2003. Vol. 6. № 3. P. 259–285.